

Социологическая оценка влияния международной миграции на социально-экономическое развитие Ростовской области

Г. С. Денисова

*ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация),
gsdenisova@sfnedu.ru*

Введение. В настоящее время в России миграция рассматривается как важный ресурс пополнения населения, однако миграционный прирост невысок. Изменения в Концепции миграционной политики России до 2025 г. призваны переломить данную ситуацию, что обеспечит приток иностранных трудовых мигрантов. Цель статьи – по результатам проведенного исследования выявить отношение населения принимающего региона (Ростовской области) к увеличению потока иностранных трудовых мигрантов в условиях современной социально-экономической ситуации, а также оценку экспертным сообществом эффективности регулирования миграционной ситуации на региональном уровне.

Материалы и методы. Объектом изучения стала миграционная ситуация в Ростовской области – одного из лидеров социально-экономического развития макрорегиона и пограничной территории Юга России. Методом стандартизованного интервью проводился опрос среди городских жителей ($n = 300$), методом анкетирования – среди студенчества ($n = 200$), методом полуструктурированного интервью – среди экспертов ($n = 30$). Концептуальной основой анализа является конструктивистский подход, позволяющий использовать различные опросные методики населения, студенчества и экспертного сообщества.

Результаты исследования. Анализ собранного эмпирического материала показывает, что большинство населения региона пользуется результатами труда мигрантов, занятых в разных секторах экономики, не рассматривает их как конкурентов на региональном рынке труда и не испытывает какого-либо заметного влияния мигрантов на свою жизнь. Эксперты более критично настроены на перспективу интеграции мигрантов, усматривая в росте их численности угрозу культурной идентичности принимающего сообщества.

Обсуждение и заключение. Динамичное развитие региона требует проактивной миграционной политики, существенным ресурсом которой являются лояльность городских жителей и молодежи к иностранным мигрантам и установка на интеграцию. Анализ собранного материала ориентирован на региональные органы власти, реализующие миграционную политику. Результаты исследований будут полезны также институтам гражданского общества для организации взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества.

© Денисова Г. С., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: миграция, принимающее сообщество, стереотип, лояльность, интеграция, установка, миграционная политика

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта «Мониторинг этноконфессиональной и миграционной ситуации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем накануне Всероссийской переписи населения в регионах Южного федерального округа» (2019 г.). Реестровый номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Денисова, Г. С. Социологическая оценка влияния международной миграции на социально-экономическое развитие Ростовской области / Г. С. Денисова. – DOI 10.15507/2413-1407.114.029.202101.126-150 // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 1. – С. 126–150.

Sociological Evaluation of the Influence of International Migration on the Socio-Economic Development of the Rostov Region

G. S. Denisova

*Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation),
gsdenisova@sfedu.ru*

Introduction. In Russia, migration is currently considered to be an important resource for replenishing the population, although the population growth resulting from migration is quite slow. Russia's Concept of the State Migration Policy until 2025 has been revised in order to improve the situation and ensure the inflow of foreign labor migrants. The goal of this article, based on the results of the conducted study, is to reveal the attitude of the population of the host community (Rostov Region) towards an increase in the flow of foreign labor migrants in the current socio-economic circumstances, as well as the expert evaluation of the effectiveness of handling the migration situation at the regional level.

Materials and Methods. The object of study conducted was the migration situation in the Rostov Region, which is one of the leaders in the socio-economic development of the macroregion and the border area of the South of Russia. A survey was conducted among the general public ($n = 300$) using the method of standardized interviews, among university students ($n = 200$), using the method of questionnaire, and among experts ($n = 30$) using the method of semi-structured interviews. The constructivist approach was adopted as the conceptual foundation of the analysis performed. This enabled the author to use various methods of surveying the population, including university students and the expert community.

Results. The performed analysis of the collected empirical material has revealed that most people in the region use the results of migrant labour in various sectors of the economy without treating migrants as competitors in the regional labor market and do not feel any noticeable influence of migrants on their lives. Experts are more critical of the prospects of integrating migrants, perceiving the growth of their number as a threat to the cultural identity of the host community.

Discussion and Conclusion. Dynamic development of a region requires proactive migration policies, largely based on the loyalty of the population, including young people, to foreign migrants and their positive attitude towards integration. The analysis of the collected

material has been targeted at the regional authorities implementing migration policies. The research results may prove useful to civil society institutions promoting interaction between migrants and the host community.

Keywords: migration, host community, stereotype, loyalty, integration, attitude, migration policy

Funding. The study was carried out as part of the project “Monitoring Ethnic and Confessional Situation Using the Model of the Distributed Scientific Centre for International and Religious Problems on the Verge of all-Russian Census in the Areas of the Southern Federal District” (2019). Registry number: 748715Ф.99.1.ББ97АА00002.

The author states that there is no conflict of interest.

For citation: Denisova G.S. Sociological Evaluation of the Influence of International Migration on the Socio-Economic Development of the Rostov Region. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(1):126-150. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.114.029.202101.126-150>

Введение. С 1992 г. в России наблюдается естественная убыль населения, что дает основание рассматривать миграцию в качестве источника пополнения численности населения. Действительно, по оценке специалистов, с 1992 по 2017 г. миграционный прирост страны составил 9,4 млн чел., что компенсировало более 70 % естественной убыли» [1, с. 118]. В принятой в 2018 г. «Концепции миграционной политики России на 2019–2025 гг.» миграция рассматривается как важный дополнительный ресурс восполнения населения страны и обеспечения ее производственными кадрами, независимо от установок мигрантов на долгосрочность проживания в России (п. 15). Динамика демографического процесса в современной России характеризуется устойчиво низкими показателями общего коэффициента рождаемости в большинстве регионов страны. По данным официальной статистики, за январь – июнь 2020 г. коэффициент рождаемости в половине регионов варьировался в интервале от 8 до 9,9 промилле. Только в нескольких регионах России – республиках Алтай, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, а также Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханте-Мансийском автономных округах и Чеченской Республике отмечаются более высокие показатели рождаемости – от 12,0 до 19,2 %. Однако в 44 регионах этот показатель был ниже среднего значения по России (9,3 %)¹. Геополитическая стратегия России, планы социально-экономического развития страны требуют создания благоприятных условий для стабильного миграционного прироста населения.

На данный момент миграционный прирост населения пока невысок, что свидетельствует о слабости миграционной политики. Подтверждением низ-

¹ Щербакоева Е. М. Демографические итоги I полугодия 2020 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. 2020. № 867–868.

кой эффективности миграционной политики является сохранение негативных стереотипов об иностранных мигрантах в коллективных представлениях населения, а также ограничительные установки населения по отношению трудовой миграции. Так, на протяжении последних трех лет в среднем по стране выросло число тех, кто настроен на ограничение притока трудовых мигрантов с 58 % в июле 2017 г. до 73 % в августе 2019 г.² Между тем рынок труда и миграционная ситуация в каждом регионе России различны, что предполагает регионализацию миграционной политики, важным условием которой является изучение установок населения. Эмпирические исследования показывают, что доброжелательный климат по отношению к мигрантам выступает значимым фактором миграционной привлекательности региона [2].

Показатели демографических и миграционных процессов в Ростовской области в XXI в. характеризуются понижающей динамикой. Так, по итогам 2018 г. область занимала 72 место по рождаемости, 54 – по уровню прироста населения (9,7 пр.). Прирост международной миграции составил 1 486 чел. По данным Федеральной службы государственной статистики динамика миграционного прироста населения Ростовской области носит неравномерный характер и не компенсирует естественную убыль населения (табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Показатели движения населения в Ростовской области, 2015–2019 гг., чел.

Table 1. Indicators of population trends in the Rostov Region, 2015–2019, people

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019
Естественная убыль ³ / Natural population decline	7 682	9 680	12 810	15 742	18 017
Миграционный прирост ⁴ / Population growth resulting from migration	8 695	7 203	4 896	1 486	14 508

Миграционный прирост формируется преимущественно за счет миграции из стран СНГ. Однако на общую численность населения в регионе оказывает влияние не только международная миграция, но и внутренние перемещения населения в другие регионы страны. В потоках межрегиональных перемещений населения области численность выезжающих превышает число въезжающих в регион. Показательным в этом отношении стал 2018 г.: механическая убыль населения региона за год составила -2 390 чел. При этом выезд в другие регионы России жителей области составил -3 868 чел., а в международном миграционном обмене регион сохранил некоторый прирост – 1 478 чел. Поэтому

² Ксенофобия и национализм / Левада-центр. 23.09.2020.

³ Показатели естественной убыли приведены по: Ростовская область в цифрах: Крат. стат. сб. / Ростовстат. Ростов-н/Д, 2020. С. 8.

⁴ Показатели международного миграционного прироста рассчитаны по данным Федеральной службы государственной статистики – Общие итоги миграции населения.

общий объем миграционной потери области за 2018 г. составил -2 390 чел. Тем самым механическая убыль населения была компенсирована за счет международной миграции на 38,2 %. Бесспорно, эта цифра компенсирует только 10 % от естественной убыли населения (от 15 742 чел.). Увеличение показателя миграционного прироста в 2019 г. также было обеспечено потоками из стран СНГ (прибыло 21 225 чел.), из них наибольшее количество из Украины (13 073), Армении (4 020), Азербайджана (1 037), Таджикистана (898), Узбекистана (858), Казахстана (545)⁵. На протяжении всего постсоветского периода именно эти страны выступают донорами внешней миграции для Ростовской области. Миграционный прирост за 2019 г. составил 14 508 чел.⁶.

Невысокий миграционный прирост международных мигрантов в 2015–2017 гг. объяснялся усложнением требований, в частности, необходимостью сдачи экзамена для разрешения на временное проживание (ВРП), в который входит три компонента: русский язык, история России и основы законодательства Российской Федерации. Также был ужесточен контроль за работодателем, предоставляющим работу мигранту. Работодатель должен своевременно уведомлять о найме иностранцев (3 дня), нарушение этой нормы влекло значительные санкции. В Ростовской области за 2019 г. было официально оформлено более 15 тыс. административных правонарушений по фактам нарушений миграционного законодательства, возбуждено 508 уголовных дел, принято более тысячи решений о выдворении иностранных граждан с территории страны и 100 решений – о депортации⁷.

С 2017 г. в связи с конфликтом на Украине были упрощены правила получения гражданства для пребывающих из территорий боевых действий. В новой концепции миграционной политики, принятой в 2018 г., провозглашалось «облегчение процедур предоставления российского гражданства, получения права на пребывание (проживание) в Российской Федерации, в том числе в целях осуществления трудовой деятельности; совершенствование механизмов реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом...»⁸. Начало реализации этой стратегической установки, ориентированной на привлечение внешних мигрантов и стимулирование внутренней миграции, вызвало ощутимый приток мигрантов в область. В 2019 г.

⁵ Социально-экономическое положение Южного федерального округа в январе – июне 2020 года [Электронный ресурс]. URL: https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/ZzIOdgcF/ufo_2020_2.pdf (дата обращения: 17.10.2020).

⁶ Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2019 год. Табл. 2–7 [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_107/Main.htm (дата обращения: 17.10.2020).

⁷ Ростовская область оказала более 1,2 млн услуг в сфере миграции [Электронный ресурс] / Salsk-News.ru. URL: <https://salsknews.ru/ростовская-область-оказала-более-12-млн/> (дата обращения: 17.10.2020).

⁸ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.: Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622.

зарубежная миграция компенсировала убыль населения области на 74,8 %. Можно предположить, что сохранение этой тенденции вызовет увеличение численности мигрантов из республик Южного Кавказа и Центральной Азии в структуре населения области, что потребует от регионального правительства стимулирования интеграционной политики и формирования доброжелательной среды от населения.

Цель статьи – по результатам проведенного исследования проанализировать готовность населения Ростовской области к принятию иностранных трудовых мигрантов, отличающихся этнокультурными характеристиками, а также выявить оценку экспертным сообществом эффективности региональных управленческих практик в сфере регулирования миграционной ситуации.

Обзор литературы. Изучение отношения принимающего сообщества к международной трудовой миграции опирается на разработку нескольких аспектов миграционных процессов: причин миграционной подвижности населения; ожидаемых предпочтений/угроз для территорий (стран, регионов), принимающих мигрантов; государственной миграционной политики, регулирующей миграционные потоки. По каждому из этих направлений сложилась обширная исследовательская литература. Британский ученый Э. Равенштайн выделил влияние экономического фактора как фундаментальный закон миграции. Его доминирующее значение (исключая стрессовую миграцию от военных и экологических угроз) подтверждается в XX–XXI вв., когда международная миграция стала элементом глобальной экономики. В этом контексте в международной трудовой миграции выделяются два потока – низкоквалифицированных мигрантов, готовых заполнить низовой сегмент рынка труда; и высококвалифицированных мигрантов.

В эпоху глобализации миграция рассматривается как ресурс выравнивания социально-экономического неравенства стран, что было обосновано в теории пространственно-экономического баланса [3]. С позиции индивида, принимающего решение о миграции, высокий уровень экономического развития принимающей страны, а значит, высокий уровень заработной платы и возможности рынка труда, являются основными мотивирующими факторами⁹. Коммуникативные связи мигрантов, их информация о принимающих регионах и успешная миграционная история выступают большим стимулом для расширения миграции, вовлечения в миграцию родственников и знакомых (В. Ли). Влияние рынка труда конкретных принимающих стран на структуру миграционного потока из страны-донора подробно рассматривается в исследовании Г. Адугна, который проследил влияние запросов рынков труда европейских стран на формирование половой, профессиональной и квалификационной структуры миграционного потока из Эфиопии [4].

Влияние миграции имеет не только экономическое, но и культурное изменение для принимающих стран, особенно когда речь идет о массовом притоке

⁹ Lee E. A Theory of Migration // *Demography*. 1966. No. 3. Pp. 47–57.

мигрантов с низкой квалификацией и низким уровнем образования. Данный аспект вызвал большое количество исследований, направленных на анализ адаптации и интеграции мигрантов. Важным компонентом адаптации выступил способ расселения мигрантов. Анализ специфики расселения мигрантов – формирование гетто в центре мегаполисов, – и их роли в сегрегации мигрантов представлен в исследованиях Л. Вирта¹⁰, Дж. Логана, Р. Албы [5]. В более поздних работах американских ученых Дж. Флиппена, Э. Парадо [6] рассматриваются этнические сети мигрантов как способ их адаптации к принимающему сообществу. Такого рода сетевые сообщества компенсируют дефицит социального капитала мигрантов.

Социальное расслоение мигрантов и возникновение этнопригородов как формы поселения состоятельной части мигрантов рассматривается в работах таких социологов, как Р. Баубёк, К. Брэттель [7], П. Кавита, С. Холлоуэй [8], В. Ли [9]. Исследование влияния ресурсов (социального капитала, родственных и дружеских связей) мигрантов на успешность их интеграции в американское общество сохраняет свою актуальность и в настоящее время [10]. В американских исследованиях миграции в последние десятилетия активно изучается влияние высококвалифицированных мигрантов на инновационное развитие экономики. На анализе материалов 12 европейских стран был показан статистически значимый рост патентов и инновационной деятельности высококвалифицированных мигрантов, который наблюдается после достижения критического уровня культурного разнообразия в принимающей стране [11].

Во втором десятилетии XXI в. под влиянием признания европейскими лидерами крушения политики мультикультурализма и миграционного кризиса 2015 г. выросло число исследований эффективности миграционной политики. Вновь актуальность приобрела проблема культурной совместимости приезжего и принимающего населения [12]. Отношение принимающего сообщества к мигрантам стало рассматриваться не только на уровне их стереотипного восприятия, но и на уровне определения их позиций на рынке труда. Так, Г. Вайсман и Б. Ларсен на основе эмпирических исследований мигрантов в Швеции показали, что отношение к мигрантам влияет на качество жизни и уровень дохода населения принимающего региона [13]. Вместе с тем доминирование в последнее десятилетие в структуре мигрантов-беженцев потребовало значительного повышения расходов госбюджета Швеции, что вызвало обсуждение перспективы снижения благосостояния населения. Анализ общественного мнения показал рост критического отношения шведов к инокультурным мигрантам, которые принесли в Швецию элементы, противоречащие сложившемуся образу жизни. Эта ситуация вызвала активный поиск модели индивидуальной интеграции с сохранением культурной идентичности мигранта – интеркультурализм [14]. Концепция интеркультурализма возникла

¹⁰ Вирт Л. Гетто (Главы из книги) // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2005. № 1. С 126–156; № 2. С. 114–142.

как реакция на признание неэффективности политики мультикультурализма. Интеркультурализм предполагает активное включение в интеграционную политику институтов гражданского общества принимающей страны¹¹. В Германии, принявшей значительный поток беженцев в 2015–2016 гг., четверть земель (Баден, Вюртемберг, Бавария, Саксония-Ангальт и Северный Рейн-Вестфалия) утвердили региональные законы, закрепляющие на три года место жительства и работы зарегистрированных мигрантов только в данных территориях [15]. В ряде земель ФРГ (например, в Баварии) беженцам из определенных стран запрещено устраиваться на работу. Однако, по мнению экспертов, такие меры не эффективны в долгосрочной перспективе, поскольку тормозят или препятствуют интеграции мигрантов¹².

Можно указать также на значительное количество исследований, посвященных успешным практикам адаптации трудовых мигрантов в Германии с опорой на инициативы институтов гражданского общества¹³ [16, р. 336; 17, р. 251]. Миграционный кризис в Европе 2015 г. вызвал рост негативного отношения населения стран Европейского союза к большому потоку трудоспособных мигрантов-беженцев, которые частью населения воспринимались как социальная угроза, что отразилось в массовых опросах. По данным Общеввропейской службы изучения общественного мнения (Евробарометр), жители почти всех стран Европейского союза поставили иммиграцию на первое место среди социальных проблем¹⁴.

В большом количестве зарубежных исследований показывается влияние мигрантов на ощущение местным населением снижения уровня своей безопасности и защищенности, что объясняет достаточно быстрое распространение мигрантофобии [18]. Миграционный кризис вызвал осмысление негативного влияния миграции на общеевропейские ценности и единство Европейского союза. Это направление европейского политического дискурса представлено в аналитическом обзоре А. Шапарова [19].

Демографическая ситуация в России, которая заставляет рассматривать миграцию как ресурс восполнения населения, а также миграционный кризис в Европе, показывающий позитивный и негативный аспекты международной миграции, выступают социокультурным фоном, определяющим формирование отношения к трудовым зарубежным мигрантам в отечественной науке. Так, длительная дискуссия в последние десятилетия велась по вопросу опти-

¹¹ Enskild motion. Motion till riksdagen: 2014/15:311 av Serkan Köse (S). En nationell interkulturell strategi. URL: <https://data.riksdagen.se/fil/F4B418D4-C2AA-48FE-B8F6-0E0178D4E6BD> (дата обращения: 20.12.2020).

¹² Brücker H. Time is Being Wasted. 2016. URL: <https://www.uni-bamberg.de/en/news/artikel/refugees-bruecker/> (дата обращения: 22.12.2020).

¹³ Gürtzgen N., Kubis A., Rebien M. Geflüchtete kommen mehr und mehr am Arbeitsmarkt an. IAB Kurzbericht 14/2017. Aktuelle Analysen aus dem Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung. URL: <http://doku.iab.de/kurzber/2017/kb1417.pdf> (дата обращения: 03.01.2021).

¹⁴ Standard Eurobarometer 84, Autumn 2015. URL: <https://ec.europa.eu> (дата обращения: 04.01.2021).

мизации цели миграционной политики, необходимости ее либерализации, на что указывали ведущие отечественные демографы и экономисты [20]. В работах ученых последних лет показывается постепенная либерализация миграционной политики [21]. Актуализация изучения проблемы формирования толерантной среды по отношению к мигрантам была обусловлена принятием федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие России (2014–2020 гг.)», которая была подтверждена в последующих государственных документах, регулирующих миграционную политику. Это отношение измеряется мониторингами Левада-Центра и ВЦИОМ. Аналитический обзор этих исследований, проведенных по общероссийским выборкам в период 90-х гг. XX в. – первого десятилетия XXI в., был дан Л. Гудковым [22]. Общим трендом в эти два десятилетия был рост негативного отношения к приезжим, которое объяснялось различными причинами, вызвавшими деструктивное состояние массового сознания, разрушение советской идентичности и социальной солидарности.

Формирование устойчивых потоков трудовых мигрантов из республик постсоветского пространства обусловило интерес к изучению специфики этих потоков¹⁵ [23], их отличительных культурных характеристик, трудовой мотивации и культуре трудовой деятельности. При изучении отношения принимающего сообщества к мигрантам они дифференцировались по регионам выезда. Результаты, полученные разными исследователями в различных регионах России, показывают четкое проявление негативных стереотипов по отношению к выходцам из республик Южного Кавказа и Центральной Азии. Исследования В. И. Мукомеля свидетельствуют, что причина мигрантофобии коренится в дефиците доверия россиян к социальным институтам, неуверенности в собственной конкурентоспособности и недостаточных ресурсах принимающего населения [24]. Анализ социально-психологического профиля интолерантных групп показал также их более высокую концентрацию в больших и средних городах, где население не чувствует жизненных перспектив, не справляется с ситуацией социальной неопределенности [25].

Важным направлением выступает также изучение восприятия мигрантов местным сообществом. В качестве примера приведем публикации В. В. Попкова и других ученых, показывающие социальные последствия миграции в Сибири, – изменение этносоциальной структуры, усиление расслоения населения по этническому принципу, рост межэтнической напряженности, вопросы адаптации мигрантской молодежи¹⁶ [26]. К. А. Федюкина провела изучение социально-психологического восприятия мигрантов, которое

¹⁵ Рязанцев С. Роль трудовой миграции в развитии экономики Российской Федерации. Управление процессами миграции в Северной и Центральной Азии. Unit Nations ES CAP. 2015. С. 77–90.

¹⁶ Е. А. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Этносоциальные процессы в Сибири: современные реалии и актуальные вопросы этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. С. 136–150.

определяет отношение местных жителей к перспективам миграции¹⁷. Более углубленный анализ типологии восприятия местным сообществом крупного мегаполиса (г. Екатеринбург) мигрантов из республик Центральной Азии был предпринят И. Б. Бритвиной, Е. Л. Могильчак. Ведущими параметрами типологии выступили отношение к миграции на личностном уровне и на уровне миграции как социального процесса. Большая половина опрошенных высказали негативное отношение к этническим потокам мигрантов из этих стран и не готовы к интеграции с ними [27].

Проведенный обзор исследований показывает, что отношение к зарубежной миграции в разных странах и в разных регионах одной страны формируется под воздействием различных факторов. Рациональный экономический интерес принимающего региона не является доминирующим для населения и региональных органов власти. Изучение этой проблемы в южных российских регионах имеет свою специфику, поскольку для населения данного макрорегиона свойственно сочетание противоположных характеристик: с одной стороны, исторически сложившаяся открытость культурному заимствованию и приему носителей различных этнокультурных идентичностей, с другой – декларация защиты собственной культурной среды и настороженное отношение к представителям других культур. Юг России на протяжении всего постсоветского периода был одним из центров притяжения внешних миграционных потоков. В целом большинство регионов Южного федерального округа сохранили миграционную привлекательность даже в условиях пандемии. Так, за первое полугодие 2020 г. миграционный прирост показали Краснодарский край (6 488 чел.), Ростовская область (5 110 чел.), Республика Крым (3 653 чел.), г. Севастополь (1 969 чел.), Адыгея (915 чел.), Волгоградская область (471 чел.). Только в двух регионах – Астраханской области и Калмыкии – фиксируется миграционная убыль: -1 263 и -341 чел. соответственно¹⁸. Вместе с тем миграционные резервы южных регионов используются недостаточно. Внесенные в последние годы изменения в миграционное законодательство должно способствовать изменению отношения к миграции. Изучение этого влияния стало задачей эмпирического исследования, которое проводилось в октябре – ноябре 2019 г. по единой методике по всем регионам Юга России. В данной статье представлены результаты исследования, проведенного в Ростовской области.

Материалы и методы. В основу изучения отношения к мигрантам был положен конструктивистский подход, который позволяет рассматривать отношение к мигрантам в рамках конструирования оппозиции идентичностей «Мы» – «Чужие». Предполагается, что население с устойчивой позитивной

¹⁷ Федюкина К. А. Образ мигранта в массовом сознании жителей Красноярского края // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы. Сб. материалов V Междунар. науч.- практ. конф. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015.

¹⁸ Социально-экономическое положение Южного федерального округа в январе – июне 2020 года. URL: https://rostov.gks.ru/storage/mediabank/Zz1OdgcF/ufo_2020_2.pdf

гражданской и этнокультурной идентичностью лояльно относится к иностранным мигрантам. Важным фактором, влияющим на общее отношение к мигрантам, выступает социальное самочувствие принимающего населения (уверенность на рынке труда, уровень материального положения). Выборка рассчитывалась одинаково по всем шести регионам Юга России. В Ростовской области методом стандартизированного интервью проводился опрос среди жителей трех крупных городов региона (300 респондентов), методом анкетирования – среди студенчества (200 респондентов), методом полуструктурированного интервью – среди экспертов (30 информантов). В число экспертов вошли специалисты по квотным группам: 16,7 % – представители региональных и муниципальных органов власти, 50,0 – представители национально-культурных автономий, 33,3 % – научно-педагогические работники, связанные в практической работе с вопросами миграции. Из общего количества экспертов 12,2 % – непосредственно занимаются решением вопросов в сфере миграционной политики; 16,6 – анализом и консультированием в этой сфере; 33,6 % – сталкиваются с этими вопросами в своей профессиональной деятельности.

Целевую группу студентов составили 200 чел. (50 % мужчин и 50 % женщин). Выборка предполагала квотную представленность студентов социально-гуманитарных и естественно-научных (50 %), а также технических (50 %) специальностей. Опрос проводился в трех вузах Ростовской области: Южном федеральном университете, Южно-Российском государственном политехническом университете (НПИ) имени М. И. Платова, Ростовском филиале Российского государственного университета правосудия. Выбор вузов был определен наличием в них большого количества студентов-иностранцев и широкой представленностью студентов, приехавших на обучение из разных республик Северного Кавказа, что создает поликультурное образовательное пространство.

Третьей целевой группой исследования были представители населения трех притягательных для мигрантов городов – Ростова-на-Дону, Батайска и Аксая. Гендерный состав выборки составляет 44,7 % мужчин и 55,3 % женщин. По возрастному составу выборка включала: 18,7 % респондентов в возрасте 18–29 лет; 53,7 – 30–59 лет; 27,7 % – 60 лет и старше. Более половины опрошенных (65,0 %) обладают высшим образованием, включая бакалавриат и магистратуру; незаконченным высшим – 8,7 % респондентов; средним специальным образованием – 19,7; средним – 5,3 и неполным средним – 1,3 %. Более половины респондентов (58,3 %) заняты в сфере производства; значительную группу (17,3 %) составляют пенсионеры; 6,0 % – учащиеся; 3,0 % – домохозяйки, 1,3 % – безработные; еще 14 % выбрали другие позиции («самозанятость», «работа время от времени», «работа по найму у частных лиц»). Этнический состав респондентов: 77,9 % – русские, 4,9 – армяне, по 1,9 % – евреи и украинцы. Группа «другие национальности» составила 14 % (азербайджанцы, грузины, татары, молдаване, белорусы, даргинцы, кабардинцы, чеченцы и др.). Большинство респондентов (66 %) являются коренными жителями Ростова-на-Дону и Батайска. Еще 23,7 % приехали сюда из других регионов России,

10,3 % – из других государств. Только пятая часть приезжих проживают в области менее 5 лет. Большая их часть – десять лет и более.

Сбор материала осуществлялся по двум отличающимся инструментариям: один – для опроса населения и студентов, другой – для опроса экспертов. Выявление отношения разных групп населения к мигрантам фокусировалось преимущественно на личном опыте респондентов. Инструментарий опроса экспертов, напротив, был ориентирован на оценку влияния миграционных процессов на социально-экономическую, культурную, религиозную ситуации в регионе, потребности региона в трудовых мигрантах. Самостоятельной задачей выступило выявление экспертных оценок эффективности мер, направленных на регулирование миграции (введения экзамена по русскому языку, основам истории и правового законодательства; реализации контроля правил найма на работу, эффективности патентов на работу и др.). Собранный материал обрабатывался с помощью программы SPSS, версия 17.0.

Результаты исследования. *Общие оценки миграционной ситуации.* По мнению респондентов, на региональном рынке труда мигранты заняты в различных сферах, но преимущественно в общественном секторе сферы обслуживания (уборка территорий, автотранспорт, общественное питание, охрана парковок, гостиницы, строительство, медицинские услуги) и в частной сфере работы по найму – предоставление индивидуальных услуг (ремонт жилья и автомобилей; работа на даче, приусадебном участке, в квартире; уход за детьми, престарелыми, больными). Значительная часть опрошенного населения и студентов в своей повседневной жизни используют труд мигрантов в обеих сферах. При этом доминирующей сферой пересечения респондентов с мигрантами являются услуги в общественном секторе обслуживания (табл. 2).

Т а б л и ц а 2. Группировка ответов на вопрос «Какими услугами трудовых мигрантов Вы пользуетесь?» по целевым группам респондентов¹⁹

Table 2. Group of answers to the question “What services of labour migrants do you use?” by target groups of respondents

Группировка ответов / Group of answers	Население / General public		Студенты / University students	
	Общее число ответов / Total number of answers	Процент ответов / Response rate	Общее число ответов / Total number of answers	Процент ответов / Response rate
1	2	3	4	5
Индивидуальные услуги / Personal services	67	22,3	32	16,0
Услуги в общественных местах / Services in public places	404	134,7	306	153,0

¹⁹ Вопрос предполагал возможность выборов нескольких ответов, поэтому итоговая сумма ответов больше 100 %.

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5
Использование индивидуальных услуг мигрантов и услуг в общественной сфере / Personal services and services in the public domain provided by migrants	145	48,3	111	55,5
Всего / Total	616	205,3	449	224,5

Дифференциальная оценка влияния мигрантов на личную жизнь респондента в разных сферах его жизнедеятельности показала, что преобладают нейтральные оценки: подавляющее большинство респондентов двух целевых групп не испытывают никакого влияния мигрантов на сферу своего трудоустройства, уровень совокупных доходов или состояние здоровья. Заметная доля негативных оценок концентрируется в сфере безопасности. На негативное влияние мигрантов в этой сфере указали 15,7 % в группе опрошенного населения и 19,5 % – в группе студентов (табл. 3).

Примерно так же обе целевые группы оценивают влияние мигрантов в целом на регион. В совокупном объеме оценок влияния мигрантов на разные сферы жизни региона нейтральные оценки составляют 72,6 % у опрошенного населения и 65,3 % – в группе студентов. Больше всего отрицательных оценок (они составили 9,0 % в общем объеме оценок опрошенного населения и 11,8 % – в группе студентов) связаны с опасениями за безопасность жизнедеятельности (табл. 4).

Более половины респондентов по выделенным целевым группам отмечают, что о мигрантах в СМИ размещается больше криминальной информации, чем какой-то другой. Вероятно, имеются в виду федеральные СМИ, так как контент-анализ информационного поля Ростовской области, которое формируется печатными и электронными СМИ, свидетельствует о невысокой популярности миграционной темы в целом.

Иначе оценивают влияние миграции на социально-экономическое положение Ростовской области эксперты. Положительное воздействие миграции на демографическую ситуацию в регионе отметили около трети респондентов из данной группы, примерно столько же дали на этот вопрос негативные ответы. Более половины экспертов (51 %) полагают, что в ближайшие годы миграция будет оказывать негативное влияние на демографическую обстановку в Ростовской области, но связывают это с заметным оттоком молодежи из региона. Общая оценка влияния миграции на социальную ситуацию в области в краткосрочной перспективе негативная – так считают почти 60 % экспертов (табл. 5).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как повлияла работа мигрантов на различные стороны Вашей жизни?» по целевым группам
 Table 3. Distribution of answers to the question “How has migrant labour affected various aspects of your life?” by target groups of respondents

Сфера жизни / Aspect of life	Население / General public			Студенты / University students				
	Всего / Total	Положительно / Positively	Отрицательно / Negatively	Нейтрально / Neutrally	Всего / Total	Положительно / Positively	Отрицательно / Negatively	Нейтрально / Neutrally
Трудоустройство / Employment	100	6,0	8,3	75,0	100	9,0	7,5	65,5
Уровень оплаты труда / Rate of remuneration	100	3,3	8,0	74,7	100	5,5	11,0	73,9
Состояние здоровья / Health	100	4,7	4,0	78,3	100	5,5	9,0	73,0
Личная безопасность / Personal security	100	6,0	15,7	62,3	100	9,0	19,5	58,0

Примечание / Note. Сумма положительных, отрицательных и нейтральных оценок составляет 1 200 (100 %) в группе опрошенного населения и 800 (100 %) в группе студентов / The sum of positive, negative and neutral evaluations is 1 200 (100 %) in the surveyed group of population and 800 (100 %), in the surveyed group of students.

Таблица 4. Распределение отрицательных ответов на вопрос о влиянии трудовых мигрантов на местных жителей по сферам жизни при опросе населения и студентов

Table 4. Distribution of negative answers to the question about the influence of labour migrants on local residents by aspects of life in the conducted survey of the general public and university students

Группировка ответов / Group of answers	Население / General public		Студенты / University students	
	Количество ответов / Number of answers	Процент к итогу / % of the total	Количество ответов / Number of answers	Процент к итогу / % of the total
Занятость / Employment	25	23,1	15	16,0
Доходы / Income	24	22,2	22	23,4
Здоровье / Health	12	11,1	18	19,1
Безопасность / Security	47	43,5	39	41,0
Итого отрицательных стереотипов / Total number of negative stereotypes	108	100,0	94	100,0

Т а б л и ц а 5. Распределение ответов на вопрос «Как в ближайшие годы может повлиять миграция (отъезд и приезд) на социальную ситуацию в регионе?», в процентах к итогу

Table 5. Distribution of answers to the question “How can migration (both incoming and outgoing) affect the social situation in the region in the years ahead?”, % of the total

Сфера потенциального влияния миграции / Area of potential impact of migration	Всего / Total	Улуч- шит / It will im- prove the situation	Ухудшит / It will worsen the situation	Другой ответ / Other
Заработная плата и доходы населения / Wages and incomes of the population	100	–	30,0	70,0
Цены на потребительские товары и услуги / Prices for consumer goods and services	100	10,1	63,3	26,6
Занятость, безработица / Employment and unemployment	100	16,7	76,7	6,6
Наличие квалифицированных кадров / Availability of qualified personnel	100	40,0	30,0	30,3
Качество сферы услуг / Quality of services	100	13,3	36,7	50,0
Доступность медицины / Healthcare availability	100	–	83,4	16,6
Нагрузка на социальную сферу и транспортную инфраструктуру / Pressure on social sector and transport infrastructure	100	–	80,0	20,0
Криминогенная ситуация / Criminality	100	–	73,3	26,7

Эксперты положительно оценивают влияние миграции на формирование кадрового потенциала региона. Подтверждением этому является участие в экономической деятельности мигрантов из юго-восточных районов Украины. Некоторые респонденты склонны ожидать ухудшения ситуации на региональном рынке труда. Наибольшие тревоги у экспертов вызывает влияние миграции на социальную сферу, особенно медицину, а также на криминогенную ситуацию. Такого рода мнение имеет определенные основания. В частности, опрос населения по всем регионам Ростовской области в 2017 г. показал, что 23 % респондентов в среднем по области считают, что миграция, в частности, приток мигрантов из Украины, вызвала усиление нагрузки на социальную инфраструктуру и рынок труда²⁰. Видимо, близкое к паритету сочетание позитивных и негативных ожиданий от миграции определили сдержанное отношение экспертов к перспективе сокращения численности иностранной миграции. За ее необходимость высказались только 30 % опрошенных. Половина экспертов

²⁰ Денисова Г. С., Герман М. А., Денисов В. И., Суший С. Я. Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018. С. 164.

согласилась на сохранение численности зарубежных трудовых мигрантов без изменения. При этом две трети экспертов однозначно высказались за необходимость увеличения контроля за иностранными мигрантами.

Оценка эффективности миграционного контроля. В миграционное законодательство с 1 января 2015 г. были введены следующие изменения: оформление патента, который позволяет мигранту самостоятельно определять сферу занятости и оплачивать налог, но в рамках региона пребывания; необходимость для мигранта сдачи экзамена на знание государственного (русского) языка и основ истории и законодательства Российской Федерации (экзамен для разрешения на временное проживание); для работодателя – необходимость в трехдневный срок уведомить о найме на работу иностранца. Контроль за соблюдением этих норм возложен на правоохранительные органы. Эксперты невысоко оценили эффективность данных нововведений для регулирования миграции в регионе (табл. 6).

Т а б л и ц а 6. Оценка экспертами эффективности миграционного контроля, в процентах к итогу

Table 6. Expert evaluation of the effectiveness of migration control, % of the total

Оцениваемые параметры / Evaluated aspects	Всего / Total	Положительно / Positive	Отрицательно / Negative	Другой ответ / Other
Введение трудового патента вместо оформления разрешения на работу / Introduction of a labour patent instead of a work permit	100	32,3	12,9	54,8
Возможность законодательного расширения патента для работы в нескольких регионах / Possibility of legislative expansion of the labour patent for work in several regions	100	40,0	36,7	23,3
Запрет въезда в Российскую Федерацию иностранным трудовым мигрантам из-за несоответствия их деятельности с нормами законодательства / Prohibition of entry to the Russian Federation for foreign labour migrants due to non-compliance of their activities with the legislation	100	33,3	26,7	40,0
Усиление контроля за уведомлением работодателей при найме иностранной рабочей силы / Tightening control over the notification of employers when hiring foreign labour	100	45,2	22,6	32,2
Экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства Российской Федерации / Examination in the Russian language, History of Russia and the basics of legislation of the Russian Federation	100	33,3	6,7	60,0

В рубрику «Другое» были отнесены суждения экспертов о двойственности контролируемого законодательством мер. В частности, отмечалась, необходимость контроля за соответствием официально заявленной цели работы и реальной трудовой деятельностью мигранта, и, одновременно, строгость этой меры в условиях сегодняшнего рынка труда. При позитивной оценке введения экзамена для получения временного разрешения на работу указывалось, что экзамен проводится формально или предлагаемый объем контролируемого знания мало связан с организацией повседневной жизни мигрантов в России. Проведенный опрос свидетельствует, что более 70 % опрошенных из группы населения и 63 % респондентов-студентов не имеют проблем в коммуникации с работающими мигрантами. Поэтому увеличение контроля за знанием русского языка незначительно изменит эту ситуацию, что подтверждает опрос экспертов.

Совокупные положительные оценки результативности государственного контроля за иностранной трудовой миграцией в регионе в два раза превышают отрицательные оценки (36,1 и 17,2 % соответственно). Однако основной массив (46,8 %) все же составляют неопределенные ответы. Для сравнения приведем итоги опроса населения Ростовской области, проведенного в 2017 г. по всем муниципальным образованиям: 20 % населения области оценивали деятельность региональной власти в этой сфере как неэффективную²¹.

Оценка влияния мигрантов на культурную среду региона. Опыт приема больших потоков мигрантов в современных европейских городах показывает, что в целях адаптации к новой социокультурной среде мигранты предпочитают расселяться ближе или рядом с теми, кто прибыл раньше. Достаточно высокая плотность расселения мигрантов на ограниченной территории вызывает опасения у местных жителей и способствует формированию представлений о негативном влиянии мигрантов на социокультурную среду принимающих регионов.

Собранный автором материал показывает, что пока компактные поселения мигрантов не являются распространенной практикой в Ростовской области. Группа экспертов разделилась примерно поровну на тех, кто считает, что в Ростовской области сложились районы, «контролируемые» мигрантами (46,7 %), и тех, кто отрицает существование таких анклавов (40 %). Такое различие в оценках объясняется тем, что, как правило, в городах таких поселений нет, в то время как в сельской местности существует возможность расселения общинами. Однако даже при диффузном расселении мигрантов их влияние на социальную обстановку, по мнению экспертов, ощущается. Так, примерно четвертая часть экспертов (23 %) отмечает, что в городах родители переводят своих детей из классов, в которых обучается заметное число детей-мигрантов. Половина (53 %) экспертов считают, что для населения

²¹ Денисова Г. С., Герман М. А., Денисов В. И., Суший С. Я Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области. С. 164.

региона характерно неприязненное отношение к мигрантам из других государств. Кроме этого, в среднем по 70 % экспертов указывают на возможность негативного влияния миграции на сферу межнациональных и религиозных отношений в регионе. Большинство из них не опасаются того, что мигранты могут нанести какой-то ущерб историческим или культурным памятникам, которые есть в области. Тем не менее более половины из них (56 %) полагают, что миграция (включая отъезд) может повлиять на изменение привычного образа жизни в регионе. Соотношение позитивных и негативных ответов экспертов по указанным вопросам: 41,3 против 35,3 %.

Более мягкие суждения высказывают респонденты из группы опрошенного населения и из числа студентов. Большая часть опрошенных выражает нейтральное и позитивное отношение к совместному проживанию с мигрантами-иностранцами. Примерно половина опрошенных (46,3 % – среди населения, 52,0 % – среди студентов) считают, что мигранты мало уважают местные обычаи и традиции. Положительно и нейтрально относятся к совместному обучению своих детей с детьми мигрантов более 80 % респондентов в каждой из групп опрошенных. Однако это не означает отсутствия проблем в сфере общественного взаимодействия местного населения с мигрантами.

Достаточно консолидированное мнение высказывают все целевые группы опроса относительно необходимости проведения специальной культурной работы среди мигрантов, направленной на информирование о традициях и культуре России, в частности, принимающего региона. Об этом заявили 78 % опрошенного населения и 72,5 % студентов. Основные ожидания в этой сфере возлагаются на органы государственной власти и общественные организации. На это же указали все представители экспертной группы.

Обсуждение и заключение. Перспективы развития страны (региона) в значительной степени определяются демографической динамикой и ситуацией в социокультурной сфере. В сложившейся в Ростовской области демографической ситуации, характеризующейся продолжительной естественной убылью населения, миграция выступает важным источником пополнения населения. В последние три года в федеральной миграционной политике были приняты меры, направленные на расширение адаптационных стратегий трудовых мигрантов и одновременно на усиление ответственности экономических и правовых институтов принимающих регионов за трудовой миграцией. С 24 июля 2020 г. вступил в действие закон об упрощенном получении гражданства²², согласно которому иностранным гражданам для получения российского гражданства не нужно будет отказываться от своего подданства и подтверждать свой доход. Эти позиции применяются также к лицам без гражданства, если они в прошлом были гражданами СССР или проживали

²² О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: Федеральный закон от 24.04.2020 № 134-ФЗ.

или проживают ныне в бывших советских республиках. Ожидаемый результат таких мер – расширение легальных миграционных потоков из-за рубежа, способных стабилизировать демографическую ситуацию и укрепить трудовой потенциал страны (региона).

Проведенное исследование показывает, что население Ростовской области, имеющей пограничный статус и принимающей ежегодно заметное число иностранных мигрантов из стран СНГ, проявляет к ним в целом лояльное отношение. Большая часть населения считает, что мигранты не оказывают негативного влияния на их жизнедеятельность, однако экспертное сообщество прогнозирует отрицательное воздействие миграционных процессов на социально-экономическую ситуацию в регионе. Такую позицию экспертов можно объяснить широким распространением среди госслужащих стереотипного рассмотрения миграции как угрозы для культурной идентичности страны, а также отсутствием достаточной информации о роли мигрантов в экономике региона.

Учитывая то обстоятельство, что члены экспертной группы – сотрудники государственных органов – располагают большими ресурсами для распространения своих взглядов, считаем необходимым организовать обучение государственных служащих по программе «Международная миграция и ее роль в социально-экономическом развитии Ростовской области». Реализация на региональном уровне различных мер миграционной политики редко освещается в СМИ, что тоже могло сказаться на формировании представлений участников опроса. В этой связи считаем целесообразным разработку серии специальных программ и репортажей о жизни мигрантов-иностранцев в Ростовской области и мерах государственной политики, направленных на создание благоприятных условий для их закрепления на территории региона. К такой работе следует привлечь представителей общественных организаций и этнических диаспор.

Региональную миграционную политику правительства Ростовской области пока трудно определить как активную. Региональное правительство редко инициирует какие-либо мероприятия по привлечению в область трудовых мигрантов из стран СНГ. Вместе с тем потребность в проактивной стратегии в настоящее время формулируется региональным бизнесом, ориентированным на расширение Ростова-на-Дону как крупнейшей городской агломерации Юга России. Переход к такой стратегии потребует разработку и реализацию программ, направленных на создание условий для экономической и социокультурной интеграции иностранных мигрантов.

Перспективы развития представленной тематики связаны с выявленной в ходе проведенного исследования готовностью населения и молодежи (что особенно важно) к участию в практиках взаимодействия с иностранными мигрантами в различных сферах, направленных на их интеграцию в социокультурную среду региона, а также к инициированию таких проектов. Выявление

и реализация такого рода инициатив требует специального изучения. Другим направлением разработки представленной темы является изучение степени открытости мигрантов к интеграции в принимающее сообщество. Важность этих направлений определяется тем, что сравнительный анализ зарубежных и отечественных научных исследований в области миграционных процессов показывает дефицитность изучения российскими учеными именно интеграции мигрантов (включая миграционные сети, формирование взаимодействий детей-мигрантов с российскими одноклассниками), практик институтов гражданского общества в этой сфере, а также экономической эффективности трудовой деятельности мигрантов для региональных экономик.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рязанцев, С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию / С. В. Рязанцев. – DOI [10.31857/S013216250006666-5](https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5) // Социологические исследования. – 2019. – № 9. – С. 117–126. – URL: <http://socis.isras.ru/article/7818> (дата обращения: 12.10.2020). – Рез. англ.
2. Фофанова, К. Ф. Факторы миграционной привлекательности провинциального города (на примере г. Саранска) / К. Ф. Фофанова, А. А. Сычев. – DOI [10.15507/2413-1407.109.027.201904.756-778](https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.756-778) // Регионология. – 2019. – Т. 27, № 4. – С. 768–769. – URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1826> (дата обращения: 23.12.2020). – Рез. англ.
3. Naas, H. The Age of Migration / H. Naas, S. Castles, M. J. Miller. – 6th edition. – London : Red Globe Press, 2020. – 368 p. – URL: <https://www.amazon.com/Age-Migration-Stephen-Castles/dp/0230517846> (дата обращения: 22.12.2020).
4. Adugna, G. Migration Patterns and Emigrants' Transnational Activities: Comparative Findings from Two Migrant Origin Areas in Ethiopia / G. Adugna. – DOI [10.1186/s40878-018-0107-1](https://doi.org/10.1186/s40878-018-0107-1) // Comparative Migration Studies. – 2019. – Vol. 7, article 5. – URL: <https://comparativemigrationstudies.springeropen.com/articles/10.1186/s40878-018-0107-1> (дата обращения: 23.12.2020).
5. Logan, J. R. Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles / J. R. Logan, Z. Wenquan, R. D. Alba. – DOI [10.2307/3088897](https://doi.org/10.2307/3088897) // American Sociological Review. – 2002. – Vol. 67, no. 2. – Pp. 299–322. – URL: https://www.jstor.org/stable/3088897?origin=crossref&seq=1#metadata_info_tab_contents (дата обращения: 02.01.2021).
6. Flippen, C. A. Forging Hispanic Communities in New Destinations: A Case Study of Durham, North Carolina / C. A. Flippen, E. A. Parrado. – DOI [10.1111/j.1540-6040.2011.01369.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-6040.2011.01369.x) // City & Community. 2012. – Vol. 11, issue 1. – Pp. 1–30. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1111/j.1540-6040.2011.01369.x> (дата обращения: 02.01.2021).
7. Forum / R. Bauböck, C. Brettell, M. Crul [et al.]. – DOI [10.17323/usp21201711-24](https://doi.org/10.17323/usp21201711-24) // Городские исследования и практики. 2017. – Т. 2, № 1 (6). – С. 11–24. – URL: <https://usp.hse.ru/article/view/8415> (дата обращения: 02.01.2021).

8. Kavita, P. New Immigrant Geographies of United States Metropolitan Areas / P. Kavita, S. R. Holloway. – DOI 10.1111/j.1931-0846.2005.tb00360.x // *Geographical Review*. – 2005. – Vol. 95, no 2. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1111/j.1931-0846.2005.tb00360.x> (дата обращения: 02.01.2021).
9. Heikkila, E. J. From Urban Enclave to Ethnic Suburb. New Asian Communities in Pacific Rim Countries / E. J. Heikkila. – DOI 10.1111/j.1467-9787.2008.00559_12.x // *Journal of Regional Science*. – 2008. – Vol. 48, no 2. – Pp. 481–483. – URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1467-9787.2008.00559_12.x (дата обращения: 02.01.2021).
10. Krase J. Seeing Cities Change: Local Culture and Class / J. Krase // *Seeing Cities Change: Local Culture and Class*. – Farnham: Ashgate, 2012. – Pp. 1–30. – URL: https://www.researchgate.net/publication/277774609_Seeing_Cities_Change_Local_Culture_and_Class (дата обращения: 02.01.2021)
11. Ozgen, C. Immigration and Innovation in European Regions / C. Ozgen, P. Nijkamp, J.Poot. – IZA Discussion Paper, no. 5676. – Bonn, 2011. – URL: <http://ftp.iza.org/dp5676.pdf> (дата обращения: 03.01.2021).
12. Schröder, Ph. The Institutionalization of Mobility: Well-being and Social Hierarchies in Central Asian Translocal Livelihoods / Ph. Schröder, M. Stephan-Emmrich. – DOI 10.1080/17450101.2014.984939 // *Mobilities*. – 2014. – Vol. 11, no. 3. – Pp. 1–24. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17450101.2014.984939> (дата обращения: 08.10.2020).
13. Waisman G. Income, Amenities and Negative Attitudes / G. Waisman, B. Larsen. – DOI 10.1186/s40176-016-0056-0 // *IZA Journal of Migration*. – 2016. – Vol. 5, no. 8. – Pp. 1–32. – URL: <https://izajodm.springeropen.com/articles/10.1186/s40176-016-0056-0> (дата обращения: 02.01.2021).
14. Гришин, И. Иммиграционные заботы Швеции / И. Гришин. – DOI 10.20542/0131-2227-2017-61-9-66-76 // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2017. – Т. 61, № 9. – С. 66–76. – URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2017/9-t-61/migration-in-contemporary-world/swedens-immigration-worries> (дата обращения: 21.12.2020).
15. Degler, E. Labour Market Integration of Refugees in Germany / E. Degler, T. Liebig. – 2017. – URL: <https://www.oecd.org/els/mig/Finding-their-Way-Germany.pdf> (дата обращения: 03.01.2021).
16. Oberhof, M. “Refugees welcome!”: die Geschichte einer gelungenen Integration: so können Sie Flüchtlingen helfen / M. Oberhof. – Goldmann Verlag, 2016. – 336 s. – URL: <https://www.politische-bildung-brandenburg.de/veranstaltungen/refugees-welcome-die-geschichte-einer-gelungenen-integration> (дата обращения: 30.10.2020);
17. Lochner S. Integrationskurse als Motor für gesellschaftlichen Zusammenhalt? Interethnische Kontakte und nationale Verbundenheit von MigrantInnen in Deutschland / S. Lochner. – Budrich UniPress Ltd., 2015. – 251 s. – URL: <https://www.amazon.de/Integrationskurse-Motor-gesellschaftlichen-Zusammenhalt-Interethnische/dp/3863887123> (дата обращения: 03.01.2021).
18. Simpson, J. J. Attitude Towards Immigrants and Security: Effects on Destination-loyal Tourists / J. J. Simpson, P. M. Simpson, O. Cruz-Milan. – DOI 10.1016/j.tourman.2016.06.021 // *Tourism Management*. – 2016. – Vol. 57. – Pp. 373–386. – URL: <https://>

www.sciencedirect.com/science/article/pii/S026151771630108X?via%3Dihub (дата обращения: 02.01.2021).

19. Шапаров, А. Формирование нового иммиграционного режима в Европе / А. Шапаров. – DOI [10.20542/0131-2227-2017-61-7-83-92](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-7-83-92) // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2017. – Т. 61, № 7. – С. 83–92. – URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2017/7-t-61/migration-in-contemporary-world/formation-of-a-new-immigration-regime-in-europe> (дата обращения: 18.11.2020).

20. Рязанцев, В. С. Внешняя миграционная политика России: концептуальное обоснование и инструменты реализации / В. С. Рязанцев. – DOI [10.17994/IT.2016.14.4.47.2](https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.4.47.2) // *Международные процессы*. – 2016. – Т. 14, № 4 (47). – С. 22–29. – URL: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1725/ayYVa49Bfe.pdf> (дата обращения: 21.12.2020).

21. Зорин, В. Ю. Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения / В. Ю. Зорин. – DOI [10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50) // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. – 2019. – № 9 (3). – С. 40–50. – URL: <https://humanities.fa.ru/jour/article/view/334> (дата обращения: 20.12.2020).

22. Гудков, Л. Почему мы не любим приезжих? / Л. Гудков // *Мир России*. – 2007. – Т. 16, № 2. – С. 48–82. – URL: <https://mirros.hse.ru/index.php/mirros/article/view/5178> (дата обращения: 15.10.2020).

23. Абашин, С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм / С. Н. Абашин // *Этнографическое обозрение*. – 2012. – № 4. – С. 3–13. – URL: <https://journal.iea.ras.ru/archive/2010s/2012/4.htm> (дата обращения: 02.10.2020).

24. Мукомель, В. И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики / В. И. Мукомель // *Мир России*. – 2011. – Т. 20, № 1. – С. 34–50. – URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5066/5416> (дата обращения: 12.10.2020).

25. Попков, Ю. В. Влияние миграции на этносоциальные процессы (на примере Сибири) / Ю. В. Попков, Т. В. Попкова. – DOI [10.17805/zpu.2016.1.6](https://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.6) // *Знание. Понимание. Умение*. – 2016. – № 1. – С. 86–92. – URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/213> (дата обращения: 18.10.2020).

26. Варшавер, Е. А. Интеграция мигрантов второго поколения в Москве в возрасте 18–30 лет: первые результаты исследовательского проекта / Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова. – DOI [10.14515/monitoring.2017.6.04](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.04) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2017. – № 6. – С. 63–81. – URL: http://mer-center.ru/_ld/1/107_76_elibrary_323.pdf (дата обращения: 21.10.2020).

27. Бритвина, И. Б. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам / И. Б. Бритвина, Е. Л. Могильчак. – DOI [10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134) // *Мир России*. – 2018. – № 1. – С. 114–134. – URL: <https://mirros.hse.ru/index.php/mirros/article/view/7575> (дата обращения 12.10.2020).

Поступила 05.11.2020; одобрена после рецензирования 30.11.2020; принята к публикации 09.12.2020.

Об авторе:

Денисова Галина Сергеевна, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6780-0112>, gdenisova@sfsedu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ryazantsev S.V. Modern Migration Policy of Russia: Challenges and Approaches to Improvement. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2019; (9):117-126. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250006666-5>
2. Fofanova K.F., Sychev A.A. Factors in Migration Attractiveness of a Provincial City: The Case Study of the City of Saransk. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2019; 27(4):756-778. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.756-778>
3. Haas H., Castles S., Miller M.J. The Age of Migration. 6th edition. London: Red Globe Press; 2020. Available at: <https://www.amazon.com/Age-Migration-Stephen-Castles/dp/0230517846> (accessed 22.12.2020). (In Eng.)
4. Adugna G. Migration Patterns and Emigrants' Transnational Activities: Comparative Findings from Two Migrant Origin Areas in Ethiopia. *Comparative Migration Studies*. 2019; 7, article 5. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0107-1>
5. Logan J.R., Wenquan Z., Alba R.D. Immigrant Enclaves and Ethnic Communities in New York and Los Angeles. *American Sociological Review*. 2002; 67(2):299-322. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.2307/3088897>
6. Flippen C.A., Parrado E.A. Forging Hispanic Communities in New Destinations: A Case Study of Durham, North Carolina. *City & Community*. 2012; 11(1):1-30. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-6040.2011.01369.x>
7. Bauböck R., Brettell C., Crul M., Martiniello M., Mukomel V., Reeves M., Tkach O., van Tubergen F. Forum. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = Urban Studies and Practices. 2017; 2(1):11-24. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp21201711-24>
8. Kavita P., Holloway S.R. New Immigrant Geographies of United States Metropolitan Areas. *Geographical Review*. 2005; 95(2). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1931-0846.2005.tb00360.x>
9. Heikkila E.J. From Urban Enclave to Ethnic Suburb. New Asian Communities in Pacific Rim Countries. *Journal of Regional Science*. 2008; 48(2):481-483. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.2008.00559_12.x
10. Kruse J. Seeing Cities Change: Local Culture and Class. *Seeing Cities Change: Local Culture and Class*. Farnham: Ashgate; 2012. Available at: https://www.researchgate.net/publication/277774609_Seeing_Cities_Change_Local_Culture_and_Class (accessed 02.01.2021). (In Eng.)

11. Ozgen C., Nijkamp P., Poot J. Immigration and Innovation in European Regions. IZA Discussion Paper, no. 5676. Institute for the Study of Labor (IZA). Bonn; 2011. Available at: <http://ftp.iza.org/dp5676.pdf> (accessed 03.01.2021). (In Eng.)

12. Schröder Ph., Stephan-Emmrich M. The Institutionalization of Mobility: Well-being and Social Hierarchies in Central Asian Translocal Livelihoods. *Mobilities*. 2014; 11(3):1-24. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/17450101.2014.984939>

13. Waisman G., Larsen, B. Income, Amenities and Negative Attitudes. *IZA Journal of Migration*. 2016; 5(8):1-32. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1186/s40176-016-0056-0>

14. Grishin I. Sweden's Immigration Worries *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2017; 61(9):66-76. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-9-66-76>

15. Degler E., Liebig T. Labour Market Integration of Refugees in Germany. 2017. Available at: <https://www.oecd.org/els/mig/Finding-their-Way-Germany.pdf> (accessed 03.01.2021). (In Eng.)

16. Oberhof M. "Refugees Welcome!": The Story of Successful Integration: This is how you can help Refugees. Goldmann Verlag; 2016. Available at: <https://www.politische-bildung-brandenburg.de/veranstaltungen/refugees-welcome-die-geschichte-einer-gelungenen-integration> (accessed 30.10.2020). (In German)

17. Lochner S. Integration Courses as an Engine for Social Cohesion? Inter-ethnic Contacts, and National Solidarity of Migrants in Germany. Budrich UniPress Ltd.; 2015. Available at: <https://www.amazon.de/Integrationskurse-Motor-gesellschaftlichen-Zusammenhalt-Interethnische/dp/3863887123> (accessed 03.01.2021). (In German)

18. Simpson J.J., Simpson P.M., Cruz-Milan O. Attitude towards Immigrants and Security: Effects on Destination-loyal Tourists. *Tourism Management*. 2016; 57:373-386. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2016.06.021>

19. Shaparov A. Formation of a New Immigration Regime in Europe. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = World Economy and International Relations. 2017; 61(7):83-92. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-7-83-92>

20. Ryazantsev V.S. Foreign Migration Policy of Russia. *Mezhdunarodnye protsessy* = International Trends. 2016; 14(4):22-29. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.4.47.2>

21. Zorin V.Yu. The Migration Situation in the Russian Federation: Problems and Solutions. *Gumanitarnie nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2019; (9):40-50. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50>

22. Gudkov L. Why Do We Dislike the Non-Residents? *Mir Rossii* = Universe of Russia. 2007; 16(2):48-82. Available at: <https://mirros.hse.ru/index.php/mirros/article/view/5178> (accessed 15.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

23. Abashin S.N. Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism. *Ehtnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2012; (4):3-13. Available at: <https://journal.ica.ras.ru/archive/2010s/2012/4.htm> (accessed 02.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

24. Mukomel V.I. Integration of Migrants: Challenges, Policies, Social Practices. *Mir Rossii* = Universe of Russia. 2011; 20(1):34-50. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/5066/5416> (accessed 12.10.2020). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Popkov Yu.V., Popkova T.V. The Impact of Migration on Ethnosocial Processes: The Case of Siberia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. = Knowledge. Understanding. Skill. 2016; (1):86-92. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2016.1.6>

26. Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. Integration of the Second Generation Migrants Aged 18–30 in Moscow: First Results of the Research Project. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2017; (6):63-81. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.04>

27. Britvina I.B., Mogilchak E.L. The Typology of Citizens of a Russian Megapolis According to their Attitudes to Migrants of Different Ethnicities. *Mir Rossii* = Universe of Russia. 2018; (1):114-134. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-114-134>

Submitted 05.11.2020; approved after reviewing 30.11.2020; accepted for publication 09.12.2020.

About the author:

Galina S. Denisova, Professor, Department of Russian History of the 20th–21st Centuries, Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6780-0112>, gsdenisova@sfedu.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.